

Петр Межурицкий
Послание сверчку

Стихи и поэмы

Петр Межурицкий

Послание сверчку.

Стихи и поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24433150

ISBN 9785448534324

Аннотация

Петр Межурицкий – выдающийся израильский поэт-иронист, мастер словесного парадокса. В этой книге представлены его новые стихотворения и поэмы. Они – своеобразный саркастический ответ истинного поэта на бессмысленность и неустроенность этого мира. При этом Петр – этот тот самый краеугольный камень, на котором зиждется подлинная, фонтанирующая жизнерадостность бытия.

Содержание

Слово автора	7
1	7
2	8
3	9
4	10
Кесарь и мухи	11
Девичник	12
Воспоминания о Сократе	13
Судьба человекoв	14
Успех	18
Столица мира	19
Завещание	20
Проза	21
«Хоть свысока поплёвывай на шторм...»	23
Шанс	24
Голем	25
«Сплю со временем не в ногу...»	26
Стихи и царства	27
Вопросы математики	28
Практики	29
Безмолвие	30
Освободителю в традициях высочайшей духовности	31

Ответ	32
Освободительное движение	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Послание сверчку

Стихи и поэмы

Петр Межурицкий

Иллюстратор Максим Межурицкий

© Петр Межурицкий, 2017

© Максим Межурицкий, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3432-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи Петра Межурицкого известны читателю по публикациям в журналах «Континент», «Интерпоэзия», «22», «Иерусалимский журнал», «Зарубежные записки», «Южное сияние», «Крещатик» и других, на сетевых ресурсах «Топос», «45-я параллель», «Сетевая словесность», в альманахах и антологиях современной русской поэзии. «Послание сверчку» – пятая книга автора. Предыдущая книга стихов «После мюзикла» была отмечена премией имени Давида Самойлова Союза писателей Израиля. В разделах «Кесарь и мухи» и «По обе стороны» представлены стихи, написанные в 2015—2016 гг.

В разделе «Новые гностические поэмы» собраны произведения, продолжающие публиковавшиеся ранее циклы стихов под общим названием «Гностические поэмы». Новые смыслы в поэтике Межурицкого генерируются в интертекстуальном пространстве иудео-христианской культуры от античности до наших дней, нередко рассматриваемом сквозь призму трагикомедии.

Слово автора

1

Подготовив это предисловие, закончил его словами: «В русской поэтике есть два полюса: полюс Иосифа Бродского – это стихи от Бога, и полюс Александра Пушкина – это стихи от Музы».

С этого вывода и начну.

2

А пока скажу вот что: приводить строки поэта в качестве аргумента в идеологическом споре неприлично.

Например, сегодня стихи поэта могут, казалось бы, восхвалять деяния власти, а завтра, а то и сегодня же, эту самую власть, казалось бы, хулить. Никакого противоречия тут нет, как нет у поэзии задачи расточать похвалы или хулу возводить.

Моисей Маймонид, благодаря трудам которого европейская историография получила счастливую возможность отметить, что «...не только арабы оказали влияние на западную научную мысль, но и евреи», говорит: «Тебе известно, как часто мудрецы замечают: «один стих говорит то-то, а другой – то-то» и констатируют, что налицо явное противоречие, а затем объясняют, что в рассматриваемом тексте опущено условие или что субъекты двух высказываний различны. Таково их изречение: «Соломон, мало того, что твои слова противоречат словам твоего отца, они противоречат и друг другу...».

Воистину о стихах больших поэтов всех времен и народов иначе и не скажешь.

3

Но кое-что о стихах всё-таки ещё добавлю, поскольку Маймонид по своим философским воззрениям был последователем Аристотеля, который утверждал, что поэзия обладает большей научностью, чем история.

Я эту точку зрения Аристотеля разделяю с той небольшой поправкой, что, по-моему, поэзия обладает большей научностью, чем наука, и большей религиозностью, чем религия.

Почему?

Так я ведь уже сказал: потому что стихи – от Бога, потому что есть Муза, потому что в начале была Свобода Слова – в конце концов.

4

Я это к тому, что Читатель найдёт в этой книге стихи
и не найдёт ничего, кроме стихов.

И это всё, что я Ему обещаю.

Пётр МЕЖУРИЦКИЙ

Кесарь и мухи

Книга первая

Девичник

Афродита и Афина
пили водку из графина,
будто обе не богини,
но обычные княгини,

будто мыслимое мнимо
и всё выдержит скрижаль,
будто жизнь проходит мимо,
будто молодости жаль.

Воспоминания о Сократе

Насельник известного края,
как все там, конечно же – псих,
Ксенофонт говорил, что, не повторяя
стихов, забываешь их
и что любящий плоть не удержит фронт —
да мало ли что говорил Ксенофонт.

Судьба человекoв

1.

Он появился на свет и с него исчез
в концентрационном лагере.

Между этими двумя событиями
сменилось несколько исторических эпох,
но на примере его судьбы
они так и не смогли показать
ни себе, ни людям,
чем, собственно, отличаются
одна от другой.

Да, он пережил семерых диктаторов
и девятерых деспотов,
десять из которых
были просто кровавыми,
пятеро – кровавыми маньяками
и лишь один относительно точечным
отравителем.

Понятное дело,
что он век свободы не видал,
ни отбывая сроки наказаний,
будучи всегда невиновным,
ни равно вне стен пенитенциарной системы,
за которые изредка его по недоразумению
или амнистии отпускали
лишь для того,

чтобы в рамках очередной кампании
по борьбе с новыми вызовами
и традиционными напастями
было кого со всей убеждённостью
в правоте своего дела
упечь
обратно.

Будучи по своей сексуальной природе натуралом,
он так и не познал женщин,
зато его познали мужчины,
чаще всего такие,
которых ни за какие посулы и награды
не захотели узнать даже те из женщин,
любовь которых можно было купить
за самое скромное вознаграждение.
Через полтора часа после его смерти,
наступившей в результате долгой
и мучительной болезни
в обстановке изошрённых физических
и психологических издевательств над ним,
в чём не смогли отказать себе тюремщики,
на землю пришёл Мессия.

2.

Он появился на свет и выжил
во время войны Трехтысячелетней
в семье партократа и белошвейки,
а может быть, и в другой семье.

Во всяком случае, он не умер
до того, как закончил колледж,
построил дом, выдал замуж дочку,
увидел Париж и покинул службу
в чинах, приличных его летам.
Через двадцать минут
после смерти лёгкой,
которой он не успел заметить,
на эту землю пришёл Мессия
во славе, в силе и на осле.

3.

Он родился таким,
что лучше бы не родился,
о нём и песни ещё при жизни
его почти всенародно пели
о том, что он гимназистку Веру
в колодце будто бы утопил.
Потом, конечно, цареубийцей
став, он и царство себе присвоил,
чиня невиданные злодеяния
на протяжении многих лет.
Когда, напившись невинной крови,
при полноте абсолютной власти
он всё же умер своею смертью,
тогда в тот час, как его не стало,
пришёл Мессия творить добро.

Какой бы кто бы ни сделал выбор,
о ком бы что бы ни говорили,
гадать мы можем лишь в свете смерти,
кому действительно повезло.

Успех

Расселся, понимаешь – Громовержец,
устроился – и бабы, и богини
к его услугам, а ещё бессмертен,
да и проблем не знает бытовых —
короче говоря, зажрались боги:
кому не позавидуешь – тот Бог,
с чем человеку легче примириться —
ну как благополучного любить
от всей души и как себе признаться,
что он во всём удачливей тебя,
поскольку такова его природа?
А вот кого повяжут злые люди
и мордой об асфальт до самой смерти,
и ни ему ни званий, ни наград,
тогда и наградить его не в тягость
для психики посмертной любовью
и можно даже гением признать,
да что там, право – хоть Творцом вселенной,
вот до чего людей довёл Олимп —
ему то что, когда бессмертны боги.

Столица мира

«А если Бог изменит имидж,
то станет эта весть благой?» —
спросил в районе Гринвич-Виллидж
меня скорей еврей, чем гой, —

он глубь времён провидел зорко,
и речь его была тонка —
типичный гражданин Нью-Йорка,
не от сохи, так от станка.

Завещание

Эти строки он писал, ни с кем не споря,
абсолютной очевидностью дыша:
«Лучше жить в глухой провинции, у моря;
рекомендую США».

Проза

Ни на что тот не способен,
кто ни разу не съедобен,
и отрада для меня
пожиратели огня.

Разве райские селенья
только для совокупления?
Не тревожся, мой осёл,
всё проходит, да не всё.

И опять на Фридрихштрассе
я скажу несчастной расе,
что в ближайшие три дня
вся надежда на меня.

И примерно в этой фазе
на арену выйдет кайзер,
как всегда, учён на вид,
и себя благословит,

словно тупо глядя в воду,
и опять решать народу,
созерцая формы обе,
кто ни разу не съедобен.

Я осла сменяю на посох,
раз уж кайзер – самодур,
а народ у нас – философ,
в каждой хате – любомудр.

«Хоть свысока поплёвывай на шторм...»

Хоть свысока поплёвывай на шторм,
хоть вырубайся до седьмого пота,
в искусстве гениальное – ничто,
в искусстве лишь божественное – что-то.

Шанс

Здесь каждый город, как лакей
и что ни княжество, то рай,
и это в принципе ОК
и не без послевкусья драйв,

и шанс изгнание из рая
забыть, резвяся и играя,
на день, а может – на года,
кто как сумеет, господа,

спасибо доброму трамваю
морскому на его тропе —
я в мыслях тоже здесь бываю —
от Ниццы и до Сен-Тропе.

Голем

Здравствуй, русское поле
евразийских равнин —
Буратино был Голем,
пара Карло – раввин.
Вроде дружим с Китаем
и довольно давно —
что за книжки читаем,
что у нас за кино?
Словно виги и тори
пронеслись по тылам —
и куда же, блин, смотрит
комитет по делам?

«Сплю со временем не в ногу...»

Сплю со временем не в ногу
крепко, сладко и помногу
и от яви вдалеке —
не в гробу, а налегке,
как рисунок на мольберте,
до, а лучше – после смерти.

Стихи и царства (на смерть Евгения Евтушенко)

*...Если будет Россия
значит, буду и я.
Евгений Евтушенко*

Дело, может быть, в моде —
почему бы и нет —
государство уходит,
остаётся поэт,
вечно снова творимый
для нездешних снегов —
нет империи Рима,
есть поэты его.

Вопросы математики

А всё-таки
деление клетки —
это деление
или умножение?

Практики

Я отошёл от Стены Плача
уже не тем, кто к ней подошёл.

Я вышел из базилики Святого Петра
уже не тем, кто в неё входил.

Я спустился с Акрополя
уже не тем, кто на него поднялся.

Невозможно разрушить Храм.

Безмолвие

Язык богов для смертных – фенья,
в чём нет малейшего сомненья,
хотя для смертных нет врагов
страшней молчания богов.

Освободителю в традициях высочайшей духовности

Освободитель наш, начни с себя,
освободи хотя бы от тебя.

Ответ

- Скажи мне, Господи Иисусе,
Израиль – место для дискуссий?
Как относиться к фарисеям,
а то ещё не то посеём,
и что народу дать на ужин?
- Рим, Пётр, должен быть разрушен.

Освободительное движение

Уж как русские мальчики

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.